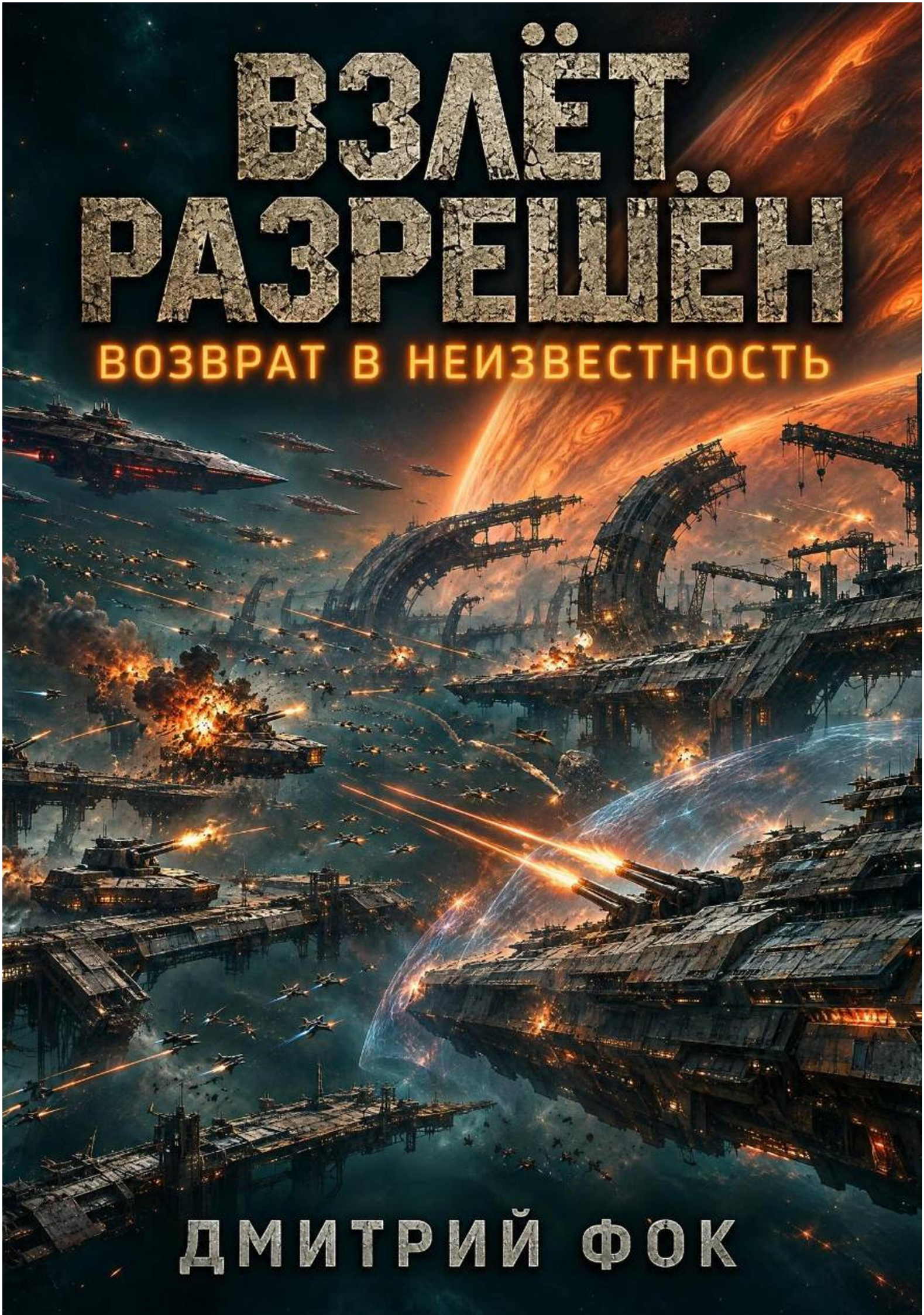

ВЗЛЁТ РАЗРЕШЁН
ВОЗВРАТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ
ДМИТРИЙ ФОК

Дмитрий Фок

Взлёт Разрешён: Возврат в неизвестность

«Автор»
2026

Фок Д.

Взлёт Разрешён: Возврат в неизвестность / Д. Фок — «Автор», 2026

Узел Тартар взят. Разбитые верфи, чужие корабли, чужая сеть, которую ещё предстоит понять, и тишина, в которой все ждут одного.Противник вернётся. Это знают в штабе, в ангарах, в расчётах, собранных с разных кораблей. Остаётся вопрос, кто к этому сроку будет готов: люди, железо или те, кто привык держать на себе всех остальных.Вей чувствует узел так, как не чувствует его никто: каждое тепло, каждый миг, где кто-то может не успеть. Этот дар не раз спасал звено «Спектр», но у всякого дара есть цена, и однажды её придётся заплатить, не торгуясь.Четвёртая книга цикла «Взлёт разрешён».

© Фок Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Сводка повреждений 5
Глава 2: Летайте пока без нас 12
Глава 3: Приказ Вэня 19
Глава 4: Чужие сигналы 26
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Дмитрий Фок
Взлёт Разрешён: Возврат в неизвестность

Глава 1: Сводка повреждений

Утренняя смена в ангаре «Спец-1» начиналась без сирены и без команды. Просто под потолком один за другим загорались рабочие прожекторы, и вместе со светом приходил запах: горелая керамика, озон от сварочных головок, кислый дух охладителя, пролитого ночью и так и не вытертого до конца.

«Бастион» стоял в центральном доке раздетым. Броневые плиты левого борта сняли и сложили штабелем у переборки. Каждую пометили маркером: номер, слой, короткий приговор вроде «в утиль», «править» или «посмотреть». Под плитами открывалось то, чего пилоту лучше не видеть: прожжённые насквозь внешние слои, оплавленные соты демпфера, тёмная воронка там, где снаряд «Скорпиона» дошёл почти до силового набора и застрял. Из воронки торчал хвостовик, похожий на сломанный зуб.

Громов ходил вокруг машины кругами, сунув руки в карманы комбинезона, и ругался вполголоса. Ругался он длинно, с переливами, но злости в голосе не было. Так конюх отчитывает коня, который пришёл с выгона в крови: «дурень», «куда полез», «кто ж так подставляется».

— Виктор Палыч, — не поднимая головы от планшета, сказал Довжик. — Вы ему мешаете.

— Кому? Ему? — Громов кивнул на зияющий каркас. — Ему уже ничего не мешает. Ты посмотри, что с ним сделали.

— Вижу. Тридцать семь лет вижу. — Довжик ткнул стилусом в схему. — Третий слой меняем целиком, второй частично, демпфер снимаем до рамы. Хвостовик вынем сегодня, если сапёры дадут добро.

— Он что, живой?

— Был бы живой, вы бы сейчас со мной не разговаривали. Но я с такими штуками на «вы».

Двое молодых техников над плечом старика переглянулись и прыснули. Громов ткнул в их сторону толстым пальцем:

— Смешно вам. А я на нём, между прочим, две пачки ракет принял.

— За Призрака, — уточнил один из техников.

— За Призрака, — согласился Громов и погладил открытую раму ладонью, бережно, как по холке. — Ничего, железный. Залатают. Довжик старый, но жадный, он тебя не бросит.

Артём Вей стоял у соседнего дока и делал вид, что изучает журнал обслуживания своей машины. В журнале было почти пусто. «Спектр» S-1 вернулся с Тартара с тремя царапинами на поглощающем покрытии, сколом на левом стабилизаторе и подгоревшим разъёмом в нише шасси. Матово-чёрный корпус под прожекторами выглядел так же, как в день, когда пятёрку впервые завели в этот ангар: чужой, тихий, глотающий свет.

От этого Вею было неловко. Он вёл группу через «паутину», через узлы, через операторов, и вышел оттуда почти целым. Пока он шёл в тени, другие подставлялись вместо него, и счёт за это висел сейчас на штабеле снятой брони.

— Лейтенант, — окликнула его техник из ночной смены, маленькая, с жёлтыми от охладителя перчатками. — Вы бы хоть дырку какую привезли, для приличия. А то мы вашу машину только пылесосим.

— В следующий раз постараюсь.

— Не надо, — отозвался Довжик, всё так же не отрываясь от планшета. — Пусть привозит царапины. Царапины мне нравятся больше.

У третьего дока стоял «Стилет». Лина сидела на стремянке у носовой части, поджав ногу, и смотрела на фюзеляж. Свежая краска ещё блестела: оса, жёлтая с чёрным, крылья чуть смазаны, потому что рисовала она ночью и, похоже, на усталых нервах. Рядом с осой была звезда. Белая, маленькая, аккуратная, совсем непохожая на злую осу рядом.

Вей подошёл и встал внизу.

— Кто? — спросил он, кивнув на звезду.

— Тот… — Лина поморщилась и поправилась: — Тот «Веллингтона». Парень. Катапультировался у третьей верфи, я над ним крутилась, пока бот не подобрал. Ничего, живой. Ноги ему потом сложат.

— Хорошая звезда.

— Кривая. — Она сощурилась. — Луч левый длинный.

— Нормальный луч.

— Ты в лучах ни черта не понимаешь, Призрак. — Лина слезла со стремянки, вытерла кисть о штанину и оглядела его машину через плечо. — А у тебя опять как с витрины. Неприлично даже.

— Мне уже сказали.

— Ну вот. Народ зря говорить не будет.

Из антенного купола РЭБ-машины торчали ноги в форменных ботинках. Купол сняли с крепления и уложили на ложемент. Изнутри доносилось негромкое бормотание Маркуса Линда: он то ли ругался, то ли диктовал себе номера контуров. Потом ноги дёрнулись, и наружу показалась голова с седой прядью у виска, вся в пыли поглощающего слоя.

— Седьмой излучатель, — сообщил Линд в пространство. — Выгорел от собственной работы. Я его загнал в перегруз.

— Сам себя сжёг? — уточнил Громов из-за «Бастиона».

— Сам себя. Красиво, кстати. Почти без копоти.

— Вот что значит интеллигент. Даже горит аккуратно.

Над доками, вдоль всей верхней галереи, шли ангарные экраны. В обычные дни туда выводили расписание вылетов, но сейчас кто-то из дежурных переключил их на внешние камеры. Соединение висело в тени газового гиганта, и его было видно целиком.

«Ганнибал» стоял ближе всех. Ударный «Левиафан», таран соединения, принимавший огонь первым и до самого конца. На его спине зияли две пустые чаши там, где раньше были орудийные башни. Края чаш оплавились и загнулись внутрь, как губы. Вокруг ползали ремонтные боты, но было ясно, что ничего путного они там не сделают: такие вещи в пустоте не чинят.

Дальше, на фоне полосатого гиганта, тянулся «Веллингтон». Старый линкор прошлой войны и без того держался на честном слове и на упрямстве своего капитана, а теперь по левому борту у него шли рваные пробоины, одна за другой. Три палубы стояли тёмными: ни огонька, ни аварийного маячка. Смотреть на него долго не хотелось.

«Немезида» была дальше всех. Вей нашёл её сразу, не глядя на подписи, как находят свой дом в ряду одинаковых. На корме белели свежие заплаты, наложенные поверх прошлых, корвусских. Издалека казалось, что кто-то приклеил к корабельной броне пластырь.

— Дом, — сказал Громов, проследив его взгляд. Он подошёл неслышно для своего роста и встал рядом. — Латаный-перелатаный.

— Держится.

— Конечно, — кивнул Громов. — Как и все мы. Ладно, не стой столбом. Подай мне ключ на тридцать два, раз уж твоя красавица в няньках не нуждается.

Зал спецопераций был узким и длинным, похожим скорее на штурманскую рубку, чем на штаб. Вдоль стены тянулся тактический стол, над ним висела голокарта узла, погашенная до серого контура. Кресел было больше, чем людей, и это бросалось в глаза.

Коммандер Рейес не стал садиться. Он стоял у торца стола с планшетом в руке и ждал, пока все устроятся. Лицо у него было такое же, как всегда: человека, который мало улыбается и экономит на этом силы. Сегодня он, кажется, сэкономил даже на приветствии.

— Сводка по соединению на шесть ноль-ноль, — сказал он. — Читаю целиком, вопросы потом.

Танака сидел у стола прямо, положив ладони на столешницу. Справа от него Громов, рядом Лина, рядом Линд с вечным блокнотом. Вей сел с краю.

— Боеспособность по кораблям, — начал Рейес. — «Громовержец»: восемьдесят один процент. «Аянами»: семьдесят четыре. «Немезида»: пятьдесят восемь, кормовая группа двигателей работает на семидесяти процентах тяги. «Ганнибал»: сорок девять, главный калибр потерял две башни из шести. «Веллингтон»: тридцать восемь, три палубы обесточены, орудийные палубы два и четыре выведены окончательно.

Он перелистнул страницу.

— Боезапас осадных орудий «Громовержца»: тридцать четыре процента от штатного. Пополнения в узле нет. Топливо по соединению: шестьдесят один процент в среднем, у «Веллингтона» двадцать девять. Этого хватит на переход в тыл, но не на бой.

Голос у Рейеса был ровный, без нажима. Именно поэтому каждая цифра ложилась на стол тяжело, как плита с маркировкой «в утиль».

— Авиакрыло «Громовержца», машины в строю. «Химеры»: двенадцать. «Церберы»: двенадцать. «Гидры»: одиннадцать. «Василиски»: десять. «Фурии»: девять. «Сфинксы»: восемь. «Горгульи»: семь. «Кракены»: пять. Всего семьдесят четыре, из них боеспособны шестьдесят девять. Остальные в ремонте, сроки ремонта уточняются.

— «Кракены» — пять, — негромко повторил Громов. — Их же шестнадцать было.

— Вопросы потом, старший лейтенант.

— Виноват.

— Потери по Тартару. — Рейес не сменил тона. — Безвозвратные: пять пилотов. Из них трое с «Веллингтона», один «Кракен», один «Гидра». Катапультировались и подобраны: одиннадцать. Ранены: девятнадцать, из них в тяжёлом состоянии четверо. Потери технического персонала на «Ганнибале» уточняются, предварительно двадцать шесть человек. Эскадрилья «Спектр» потерь не имеет.

Последнюю фразу он произнёс так же ровно, как все остальные, но Вей почувствовал, что на него не смотрят. Нарочно.

Рейес опустил планшет.

— Теперь вопросы.

— Сколько у нас времени до решения по Форпосту? — спросил Танака.

— Официально не знаю. Неофициально: Адмиралтейство получило эту сводку час назад. Решение будет в течение двух суток.

— Ваша оценка?

Рейес помолчал. Видно было, как он взвешивает, имеет ли право.

— Моя оценка: на Форпост сейчас не пойдём. Линкоры в таком состоянии туда не пойдут, а без линкоров «Громовержец» не пойдёт. Скорее всего, удар отложат.

Лина откинулась на спинку и тихо выдохнула через нос, коротко и зло, будто ей наступили на ногу. Линд что-то записал.

— Отложат — это сколько? — спросил Танака.

— Сколько займёт ремонт. Плюс переход туда и обратно. Плюс то, что Адмиралтейство будет решать, кому достанутся доки в первую очередь.

— Ремонт «Веллингтона» в тыловых доках займёт месяца три, — вставил Линд, не поднимая головы. — Это если доки свободны. Если нет — дольше.

— Спасибо, лейтенант, я тоже умею считать, — сказал Рейес без раздражения.

— Прошу прощения.

— Ещё вопрос, — Танака чуть наклонил голову. — Если линкоры уходят на ремонт, что остаётся в узле?

— Это решать не мне, коммандер.

— Я спросил не что решат. Я спросил, что остаётся.

Рейес посмотрел на него долгим взглядом и ответил коротко:

— То, что не может уйти.

На этом брифинг кончился. Рейес отключил планшет, кивнул и вышел первым. Зал опустел медленно: никто не торопился вставать, будто тот, кто поднимется первым, согласится с этими цифрами.

Вей остался сидеть. Он поймал себя на странной вещи. Раньше, слушая сводки, он сразу видел противника: машины, строй, плотность огня, коридоры, где тесно, и окна, где можно проскочить. Сейчас в голове не было ни одного чужого корабля. Там был другой счёт. Шестьдесят девять. Пять пилотов, трое с «Веллингтона». Двадцать шесть техников, «уточняются».

Он считал своих. И впервые подумал, что этот счёт труднее.

— Пойдём, — Лина стояла над ним, засунув руки в карманы. — Ничё ты тут не высидишь.

— Иду.

Голокарта над столом так и висела серым контуром узла: газовый гигант, поле обломков верфей, точки кораблей. Пять точек. Вей ещё раз посмотрел на них и вышел.

Вечером кают-компанию «Спектра» стали называть «общей». Никто этого специально не решал. Просто после Тартара сюда начали заходить «Химеры». Сначала по делу, потом без дела, потом уже никто не помнил, где кончается одно и начинается другое. Помещение было тесное, с одним длинным столом, с автоматом пайков, который выдавал три вида рагу, отличавшихся только названием, и с иллюминатором, закрытым бронешторкой. Кто-то прилепил к шторке распечатку: «Вид на море. Временно не работает».

Громов сидел во главе стола, хотя сам он сказал бы, что просто сел туда, где ноги помещаются. Рядом Лина ковыряла рагу вилкой с таким видом, будто вела с ним допрос. Линд пристроился у края с планшетом и делал вид, что не работает. Стейнер развалился на стуле боком, закинув руку на спинку, и смотрел на всех светло-серыми глазами, будто прикидывал, кто первым скажет глупость. Аш сидела у стены, прямая, с кружкой в ладонях, и, казалось, слушала не слова, а что-то под ними. Вега напротив неё читала с планшета, изредка поднимая глаза. Линза, самый младший, сидел между Вегой и Линой, и было видно, что он до сих пор не уверен, имеет ли право тут сидеть.

— Значит, уходят, — сказал Стейнер. Слух дошёл сюда раньше, чем приказ, как всегда. — Все три. «Ганнибал», «Веллингтон», «Немезида». В доки.

— Ещё не сказали, — возразил Линд.

— Скажут. Ты сводку читал? Читал. У «Веллингтона» три палубы — склеп. Ему не на Форпост, ему в музей. — Стейнер хмыкнул. — Повесят табличку: «Здесь воевали. Руками не трогать».

— Злой ты, — сказала Лина без упрёка.

— Честный. — Стейнер пожал плечом. — Злой я завтра буду, когда нам скажут, что мы герои.

Громов отодвинул пустую миску и сплёл толстые пальцы на животе.

— В прошлую войну было похоже, — сказал он. — Не тут, далеко. Флот ушёл, а нас оставили. Одна станция, две эскадрильи, ремонтный буксир и обещание. Сказали: держите, пока не придём.

— И что? — спросил Линза.

— Держали.

— А они пришли?

— Пришли. — Громов посмотрел на него без улыбки. — Позже, чем обещали. Нас к тому времени стало меньше, но пришли.

Линза кивнул так, будто ему выдали задачу, которую он пока не понял. Вега, не отрываясь от планшета, коротко коснулась его локтя. Ничего не сказала, просто коснулась, и он чуть расслабил плечи.

— Ладно, — Лина отложила вилку. — Уйдут они. А тут кто?

Вопрос повис над столом, как пар над рагу. Никто не ответил.

Линд опустил планшет. Стейнер перестал качаться на стуле. Аш медленно поставила кружку, и Вей, который сидел у автомата пайков и до этого молчал, почувствовал, что она тоже его слушает. Не его слова, а то, как он молчит.

Ответ знали все. «Громовержец» в док не загнать: он восемь километров длиной, и тыловых доков под него нет, кроме той самой верфи, где его строили, а она далеко в тылу. Уводить туда единственный корабль, способный держать узел, никто не станет. Значит, дредноут останется, а раз останется он, останутся и все, кто на нём.

— Ну, — сказал наконец Громов, — значит, будем жить на природе.

Стейнер фыркнул. Лина закатила глаза, но уголок губ у неё дёрнулся. Линза растерянно переводил взгляд с одного на другого.

— А… а так вообще можно? — спросил он. — Один корабль на целый узел?

— Можно, — сказала Вега спокойно, как говорят о погоде. — Если тебе это прикажут.

— А если не получится?

— Тогда тебе об этом скажут последним, — отозвался Стейнер. — Ешь рагу, энсин. Оно хоть и дрянь, но твоя дрянь, казённая.

Аш подняла глаза на Вея.

— Ты считаешь, — сказала она тихо. Не вопрос.

— Считаю.

— Своих?

Он кивнул. Аш помолчала.

— Привыкай, — сказала она.

Больше она ничего не добавила, и разговор как-то сам ушёл в сторону. Стейнер стал рассказывать, как техник «Химер» перепутал баки и залил охладитель в бачок питьевой воды, «а потом неделю ходил с таким лицом, будто его отравили, а не нас». Громов заржал так, что дрогнула посуда на полке. Лина спорила со Стейнером, был ли он сам при этом трезв. Линза впервые за вечер рассмеялся вслух, сам этого испугался и рассмеялся снова.

Вей смотрел на них и думал, что ещё недавно половина этих людей была ему чужой. Теперь ему было трудно представить этот стол без любого из них. И именно поэтому вопрос Лины никуда не делся. Он остался висеть под потолком, рядом с распечаткой про море.

Малую обзорную палубу девятого уровня ночью почти не освещали. По корабельному времени шёл второй час. Здесь пахло холодным металлом и пылью фильтров, а вдоль панорамного окна тянулись пустые скамьи. Окно было настоящим, не экраном: многослойное стекло в два пальца толщиной, с едва заметной радужной каймой по краю. Когда-то это сделали, чтобы офицерам было куда приводить гостей. Гостей на войне не бывает, и палуба пустовала.

Вей сел на ближайшую скамью и долго просто смотрел.

Газовый гигант занимал полнеба. Полосы его облаков, рыжие, грязно-белые и цвета ржавчины, медленно ползли друг против друга. На ночной стороне иногда коротко вспыхивали грозы, бледные, как дальний свет за закрытой дверью. На фоне этого огромного медленного тела висело поле обломков.

Четыре верфи Тартара были когда-то кольцами километрового диаметра. Теперь кольца разорвало. Одна верфь сломалась пополам, и половины разошлись, как створки раковины. От второй остался только каркас: решётчатый, голый, с обрывками кабелей, торчащими в пустоту. Третья завалилась набок и медленно вращалась, раз в несколько минут подставляя свету изнанку. Четвёртой почти не было, только облако мелочи, которое ещё блестело там, где на него падало отражённое от гиганта сияние.

Между обломками дрейфовали «Циклоны». Мониторы планетарной обороны, чудовищно тяжёлые корпуса с орудийными чашами, способные когда-то разламывать линкоры. Теперь они висели неподвижно, тёмные, развёрнутые кто куда. Один лёг почти поперёк собственной орбиты и держался на ней, как убитый бык, который ещё не упал.

Вей достал из кармана переносной обруч. Тонкая дуга с контактами на висках и за ушами, без затылочного блока: Кель выдала такой каждому одарённому группы после Тартара, «для коротких сеансов вне кабины, лейтенант, коротких, слышите?». Через ретранслятор дредноута обруч давал слабое, обрезанное подобие «Паутины», лишь краешек поля. Но сейчас больше и не было нужно.

Он надел обруч, закрыл глаза и сосчитал: один, два, три.

Поле пришло не сразу, будто нехотя. Сначала ближнее: огромный тёплый объём «Громовержца» под ним, пятнадцать тысяч искр, по большей части спящих, мерное течение реакторов. Потом, дальше и тусклее, корабли соединения. «Немезида», знакомая так, что узнавалась без подписи. «Ганнибал» с двумя холодными провалами на спине. «Веллингтон» с длинной тёмной полосой вдоль борта, где не было ни одной живой искры.

Потом Вей потянулся дальше, в узел.

Он ожидал пустоты, но пустоты там не было. Поле обломков звучало, если тут подходило это слово: тысячи масс разного веса, медленно расходящихся и сходящихся, маленькие водовороты там, где обломки цеплялись друг за друга. В корпусах «Циклонов» ещё грелись реакторы. Они не работали, просто остывали медленно, как камень после жаркого дня, и это остывание ощущалось бледным теплом посреди холода. А в щелях каркасов, в тени разбитых доков, в складках брони лежали «пауки». Дроны вражеской сети, сотни, может, больше. Они спали. Вей узнавал их по крошечным, ровным точкам дежурного питания, похожим на тиканье.

Узел был пустым, но не мёртвым. И в нём было что-то ещё, что Вей не мог назвать. Не угроза: угрозу он бы почувствовал сразу, плотностью, давлением. Скорее незавершённость. Как будто кто-то читал книгу, бросил её на середине фразы, а страницы так и остались раскрытыми и ждали.

Он подержал поле ещё несколько секунд, пытаясь понять, откуда это ощущение. Не понял.

Потом снял обруч.

Боль пришла сразу, привычная, неглубокая: тупая точка за правым виском, лёгкий звон, будто где-то далеко, на краю слуха, кто-то ударил ложкой по стакану и забыл остановить звук. Вей посидел, прижав пальцы к виску, и подождал, пока звон уляжется.

Внизу, за стеклом, медленно перевернулась третья верфь и снова подставила свету изнанку. Один «Циклон» поймал отблеск гиганта на орудийной чаше и погас. На ночной стороне вспыхнула гроза.

Было тихо.

Вей убрал обруч в карман, поднялся и ещё минуту постоял у окна. Потом пошёл спать, зная, что заснёт не сразу.

Глава 2: Летайте пока без нас

Флагманский зал «Громовержца» строили для того, чтобы в нём командовали флотом. Высокий свод, круговой голостол, двенадцать постов связи по периметру. Над столом можно было развернуть целую систему с орбитами, выводящими полосами и сносом. Сегодня в нём сидело семь человек, а ещё четверо присутствовали голограммами. Танака подумал, что зал, построенный для штаба флота, сегодня занят на четверть.

Его позвали «на правах командира эскадрильи специального назначения», и сел он соответственно, во втором ряду, за спинами Рейеса и начальника штаба. Отсюда были хорошо видны все. Танака решил, что так даже лучше: наблюдать иногда полезнее, чем говорить.

Голограммы капитанов стояли вокруг стола в полный рост, чуть прозрачные, с лёгкой зернистостью на краях. Капитан «Ганнибала», широкий, бритый наголо, держал руки за спиной так, словно они у него связаны. Капитан «Веллингтона», сухой старик с плотно сжатыми губами, был в старой форме с нашивками, которые давно сняли с производства. Капитан Хольц, высокий и прямой, с лицом из камня, стоял ровно в том месте, где ему полагалось. Капитан Огата с «Аянами» был моложе остальных, подвижный, с цепкими глазами. Голограмма у него была неспокойная: он переносил вес с ноги на ногу, как боксёр перед раундом.

Вэнь вошёл последним. Невысокий, сухощавый, с короткой седой бородкой. Садиться не собирался. Встал у голостола и положил на край планшет.

— Решение Адмиралтейства, — сказал он. — Получено в четыре сорок. Зачитываю.

Читал он без выражения, будто перечислял склады.

— «Наступление на узел Форпост отложить до восстановления боеспособности соединения. Линкоры „Ганнибал“, „Веллингтон“, „Немезида“ отвести в тыловые доки на ремонт. Сроки ремонта определить по прибытии. Дредноуту „Громовержец“ и линкору „Аянами“ оставаться в узле Тартар и удерживать его до прибытия подкрепления. Корабли поддержки и эсминцы в узел не направляются ввиду их занятости на других направлениях».

Он поднял глаза.

— Всё.

Никто не двинулся. Танака отметил, как капитан «Ганнибала» чуть сжал губы, а Хольц не изменился в лице. Огата коротко кивнул: видимо, знал заранее или догадался.

— «Аянами» остаётся, — продолжил Вэнь, — потому что пострадала меньше остальных. Её можно восстанавливать силами «Громовержца» на месте, а обороне нужна скорость. Тяжёлые корабли мне здесь не помогут. Мне нужен тот, кто будет успевать с манёвром.

— Успеем, — сказал Огата.

— Знаю. Теперь о главном. — Вэнь положил на планшет ладонь. — Корабли уходят. Люди остаются.

Танака увидел, как это слово дошло до каждой голограммы по-разному.

— Мне нужны люди с уходящих кораблей, — сказал Вэнь. — Не все. Только те, кто на переходе будет пассажиром. Расчёты выбитых башен. Расчёты выведенных палуб. Вахтенные без вахты. Я запросил Адмиралтейство, Адмиралтейство утвердило. Но я хочу услышать это от вас.

Первым ответил капитан «Ганнибала». Ответил сразу, без паузы, как будто ждал этого вопроса с утра.

— Две башни, — сказал он. — Шестьдесят восемь человек расчёта, плюс подача, плюс живучесть по башенному сектору. Всего около ста двадцати. Мои артиллеристы без башен всё равно пассажиры. Пусть лучше стреляют у вас, чем пьют у меня в кубрике. Только верните. Хорошие ребята, мне других таких не дадут.

— Запомню.

Капитан «Веллингтона» молчал дольше. Голограмма у него была старая, с дёргающимся краем, как и сам корабль. Наконец он сказал:

— Адмирал. У меня три палубы мертвы. Люди на остальных работают за двоих. Если я на переходе потеряю ход…

— Я не прошу ходовых.

— Вы просите людей, — перебил старик. — У меня каждый человек сейчас на счету.

— У меня тоже, — сказал Вэнь. — Только счёт у нас разный.

Пауза. Танака заметил, как Хольц едва заметно повернул голову к старому капитану. Он не сказал ни слова, только повернул голову.

— Вторая и четвёртая орудийные палубы, — сказал наконец капитан «Веллингтона». Каждое слово давалось ему так, будто он отдирал его от переборки. — Расчёты. Около шестидесяти человек. Больше не дам. Хоть под трибунал.

— Под трибунал не надо, — сказал Вэнь. — Шестидесяти хватит. Принято, капитан.

Хольц отдал своих без вопроса, но людей у него было меньше всех: «Немезида» сама шла на половине мощности, и почти все её люди были при деле. С «Немезиды» шли только трое медиков-добровольцев. Вэнь кивнул, принимая и это.

Дальше началась работа: графики шаттлов, порядок передачи, коды доступа, кто кого встречает, куда кого селить. Начальник штаба диктовал, Рейес записывал, голограммы отвечали коротко. Минут через двадцать капитаны начали отключаться: сначала «Ганнибал», потом «Веллингтон», не попрощавшись. Последним погас Хольц. Перед отключением он посмотрел прямо на второй ряд. Может быть, показалось.

Танака сидел неподвижно и считал.

Два корабля. На узел, где только что стояли пять. Сто восемьдесят чужих людей, которые не знают дредноута, ни его коридоров, ни порядков, ни кухни. Шестьдесят девять машин в строю «Громовержца», двадцать с лишним у «Аянами». Тридцать четыре процента боезапаса осадных орудий. Нет эсминцев, нет транспортов, нет кораблей обеспечения. Шесть, может, восемь недель, но это только оценка, а оценки на войне всегда оптимистичны.

Он отметил про себя, что задача «удержать узел» переходит в задачу «удержать узел тем, чего для удержания не хватает». Это разные задачи. Первую решают тактикой. Вторую решают людьми. И людей придётся тратить.

Вэнь собрал планшет и на секунду встретился с ним взглядом.

— Коммандер, — сказал он. — Ваше звено мне понадобится не только в воздухе.

— Понял, адмирал.

— Пока — нет. Поймёте позже.

Вэнь вышел. Танака ещё немного посидел в пустеющем зале, глядя на голостол. Потом поднялся и пошёл к своим.

Отсек «Спектра» на время сеанса превратился в маленькую студию. Линд вывел видеоканал на большой экран, развернул его во всю стену и долго ругался на задержку. «Немезида» уже готовилась к переходу, сеть была перегружена, и картинка шла с тем ленивым, рваным ритмом, какой бывает только у связи между двумя кораблями, которым есть куда торопиться.

Наконец экран мигнул и показал тесную кают-компанию «Грифонов». Тот же стол, та же вытертая обивка, тот же треснувший плафон над входом, который чинили, сколько Вей помнил этот корабль, и так и не починили. У Вея что-то коротко сжалось внутри. Лина рядом выпрямилась.

В кадре теснились трое.

— О-о-о! — Ортега влез в объектив так близко, что видна была только его улыбка и половина носа. — Живые! Смотрите, живые! Хасан, они живые, ты проспорил!

— Я не спорил, — донёсся спокойный голос Хасана.

— Ну так поспорил бы и проспорил. Призрак! Оса! Гром, тебя не видно, отойди от камеры, ты весь экран закрыл. А, это не ты, это стена. Линд! Линд, ты похудел. Тебя там что, не кормят? Флагман, называется. Я слышал, у вас там три вида рагу, и все из одного котла…

— Ортега, — сказал из-за его плеча Ковач. — Дай людям сказать.

— А я что, мешаю? Я поддерживаю моральный дух! Это, между прочим, задача, она у меня в должностной инструкции…

— Нет у тебя никакой должностной инструкции, — сказала Лина. — Тебе её не дали, потому что ты её заговоришь.

Ортега расхохотался, довольный, как кот.

— Вот! Вот! Оса — человек. А я им тут говорю: Оса там без меня завяла.

— Ага. Как кактус без кислоты.

Громов, стоявший у переборки, шагнул поближе к экрану и навис над всеми.

— Ортега, если ты там сейчас начнёшь рассказывать, как ты один спас «Немезиду» у Тартара…

— Я не один! Мне помогали!

— Кто?

— Корабль!

Даже Хасан в кадре коротко улыбнулся.

Ковач всё-таки отодвинул Ортегу локтем и сел ближе к камере. Он изменился за прошедшее время: лицо стало жёстче, взгляд спокойнее, и от энсина, которого когда-то сбили у Горгоны, в нём мало что осталось.

— Мы уходим через четыре часа, — сказал он. — Капитан разрешил связь, пока сеть не закрыли. Я коротко. Удачи вам. Всем. Держите там.

— Удержим, — сказал Вей.

— Знаю. — Ковач помолчал и добавил: — Ты… ты береги их, Призрак.

— Они меня берегут, — ответил Вей. — Обычно.

Ковач кивнул, будто именно это и хотел услышать.

Хасан пересел на освободившийся край стола и поправил воротник. Как всегда, он не стал тратить время на прощания.

— Маркус, — сказал он. — Я тебе кое-что отправил. Должно уже прийти.

На планшете Линда мигнуло уведомление. Он открыл его, и брови у него медленно поползли вверх.

— Это…

— Всё, что я успел собрать по «паутине» Тартара за время штурма, — сказал Хасан. — Протоколы обмена у «пауков». Сигнатуры узлов сети. Карта ретрансляторов, какую смог восстановить. Сырые перехваты за последние трое суток боя. Половину я не расшифровал. Не успел.

— Ты это всё сам?

— Кто ж ещё. Мне по ночам не спится, вот и занимаюсь. — Хасан пожал плечами. — Вдруг пригодится.

Линд листал файлы, и было видно, как в нём просыпается тот самый интерес, ради которого он когда-то три года подряд писал рапорты о переводе.

— Пригодится, — сказал он тихо. — Спасибо, Хасан. Правда.

— Потом спасибо. Расшифруешь, напиши, что там. Мне интересно.

— Напишу.

Ортега снова протиснулся в кадр, на этот раз сбоку, как будто его кто-то держал за ремень.

— Оса! Слушай! Ты там не расслабляйся. Я тут считаю, у тебя на «Стилете» сколько уже?

— Сколько надо.

— Это мало! Вот я тебе скажу, когда мы вернёмся, а мы вернёмся, я тебе такие истории привезу, что у тебя уши в трубочку…

— Ортега, — Лина наклонилась к экрану, и в голосе у неё зазвучало то, что на «Немезиде» все знали: обещание. — Давай так. К вашему возвращению у меня на фюзеляже будет больше ос, чем у тебя историй.

— Ха! Это невозможно! У меня историй…

— Вот и посмотрим.

— …бесконечно! — закончил Ортега и вдруг осёкся. На секунду его лицо стало совсем другим, без улыбки. — Ты только… ну. Ты рисуй. Ладно? Рисуй ос.

— Буду, — сказала Лина. — Ты не трынди только.

— Не могу, — признался Ортега. — Конструкция такая.

Картинка дёрнулась и поплыла. По краю экрана поползла надпись о том, что канал закрывается по приоритету.

— Всё, — сказал Ковач. — Нас режут. Держитесь, «Спектр».

— За тех, кто долетит, — донёсся откуда-то сбоку голос Хасана, и экран погас.

В отсеке стало очень тихо. Громов постоял ещё немного, глядя на пустой экран, потом шумно выдохнул и сказал:

— Трепло.

Он сказал это так тепло, что никто не стал спорить.

Линд уже сидел за консолью, раскрыв пакет Хасана на втором экране. Строки протоколов поползли вверх, зелёные, мелкие. Вей посмотрел на них и почему-то подумал, что этот подарок может оказаться важнее любого другого.

Челноки пошли через два часа после совещания, а через пять их уже никто не считал. С «Ганнибала» они шли тяжёлыми бортами-грузовиками, с выпуклыми брюхами. С «Веллингтона» шли старые пассажирские челноки с еле различимой маркировкой, и один из них заходил на посадку так неуверенно, что диспетчер дважды переспрашивал пилота, всё ли у него в порядке. Главный приёмный ангар «Громовержца», четвёртый палубный, гудел, как вокзал перед последним поездом.

«Спектр» пригнали туда помогать с размещением: машины всё равно стояли в ремонте, а лишние руки были у всех. Вей стоял у разметочной линии с планшетом в руках, на котором светился список кубриков, и смотрел, как опускаются аппарели.

Люди выходили с вещмешками на плечах. Мешки у всех были одинаковые, флотские, серо-зелёные, а нашивки разные. Чёрный кулак на красном у «Ганнибала». Старый щит с перекрещёнными якорями у «Веллингтона», такой выцветший, что якоря угадывались только по контуру. Форма у артиллеристов была рабочая, кое у кого с подпалинами на рукавах, которые не успели или не захотели отстирать.

Шли они не строем, а кучками. Озирались. Задирали головы к потолку ангара: он уходил вверх на сорок метров, и там под фермами медленно ползли краны. Кто-то присвистнул. Кто-то сплюнул. Высокий парень с забинтованной кистью громко, так, чтобы слышали, сказал соседу:

— Ну всё. Сдали. Как мебель с переезда.

— Заткнись, Рыков, — ответил сосед.

— А что, не так? Свои уходят, а нас оставили. Подарок на память.

Вей опустил глаза в планшет и сделал вид, что не слышал. Рядом Лина стояла с таким же планшетом и такой же неподвижной спиной.

— Он прав, — сказала она тихо, не поворачивая головы. — Я бы тоже злилась.

— Злись тише, — так же тихо посоветовал Громов. Он возвышался над ними обоими, как маяк над шлюпками, и смотрел на прибывших с тем выражением, с каким смотрят на новобранцев: не злым, а оценивающим. — Им сейчас не до наших соплей.

Из третьего челнока «Ганнибала» вышел человек, который сразу показался Вею не таким, как остальные. Невысокий, плотный, лет тридцати, с обгоревшими бровями и пластырем на подбородке. Он спустился по аппарели, огляделся, коротко и деловито, как оглядывают позицию, а потом развернулся к своему шаттлу и гаркнул:

— Расчёт третьей башни! Ко мне! В две шеренги, становись!

Голос у него был не громкий, но поставленный, как у человека, привыкшего перекрикивать работающую артиллерию. И люди пошли. Сначала нехотя, потом быстрее. Двадцать три человека, Вей посчитал машинально. Встали в две шеренги на разметке, неровно, но встали. Парень с забинтованной кистью оказался среди них. Он что-то пробормотал, но в строй встал.

Плотный повернулся и стал искать глазами, кому докладывать. Нашёл дежурного офицера ангара, капитан-лейтенанта с повязкой, и подошёл строевым, насколько это было возможно в ангаре, где под ногами вились кабели.

— Лейтенант Ода Брандт, — сказал он. — Командир третьей орудийной башни линкора «Ганнибал». Башни, правда, нет, но расчёт есть. Двадцать три человека, все в наличии, двое легкораненых, к службе годны. Прибыли в ваше распоряжение. Куда нас девать?

Дежурный посмотрел на него, на строй за его спиной и неожиданно улыбнулся уголком рта.

— Кубрики на шестой жилой. Вас проводят. Лейтенант, у вас есть вопросы?

— Есть, — сказал Брандт. — Где у вас тут пушки, которые не жалко?

— Пока нигде.

— Тогда второй вопрос: когда будут?

Дежурный не нашёлся с ответом. Брандт кивнул, словно и не рассчитывал его услышать, развернулся к строю и скомандовал:

— Напра-во! За провожающим шагом марш. Рыков, ещё раз скажешь «сдали», будешь чистить мне сапоги до прихода подкрепления.

— У вас ботинки, лейтенант.

— Значит, будешь чистить ботинки.

Строй прошёл мимо «Спектра». Брандт мельком скользнул взглядом по нашивкам спецопераций, по клинку и молнии, задержался на Громове, коротко кивнул ему, как равному, и ушёл. За ним потянулись остальные шаттлы.

К вечеру всё было кончено. Ангар опустел, аппарели закрылись, и над приёмными воротами погасли посадочные огни.

Уход эскадры Вей смотрел из кабины. Он не планировал этого. Просто сел в «Спектр», чтобы прогнать тест разъёма, подгоревшего в нише шасси, а потом не стал вылезать. Подключился к «Паутине» на минимуме, так, чтобы видеть внешнее поле.

Три корабля строились к точке прыжка. «Ганнибал» шёл первым, по привычке тарана. За ним «Веллингтон», медленно, как старик, который встаёт со скамьи. Последней шла «Немезида», чуть в стороне от строя, со свежими заплатами на корме.

По общему эфиру прошёл щелчок, и голос, который Вей узнал бы из тысячи, сказал:

— «Громовержец», «Аянами». Говорит «Немезида». — Хольц сделал короткую паузу, совсем крошечную. — Летайте пока без нас. Мы вернёмся.

Никто не ответил. Отвечать было нечего, а говорить что-то лишнее после этих слов было бы неправильно.

Двигатели прыжка разгорелись одновременно на всех трёх кораблях. Звёзды за ними потекли, растянулись в нити, в цветные полосы и начали меняться в цвете по краям, как бывает перед самым переходом. Потом там, где только что были три корабля, пространство затянуло серым, будто стёрли участок картины. Серое ничто подержалось полсекунды.

И исчезло.

Через «Паутину» Вей почувствовал это не как глазами. Пространство вокруг стало легче, как комната, из которой вынесли мебель. Там, где минуту назад было тепло тысяч искр, тяжесть реакторов и знакомое биение «Немезиды», осталась гладкая холодная пустота. Только «Громовержец» под ним, огромный и тёплый, и чуть поодаль быстрая, поджарая «Аянами». Больше никого.

Он отключился. Голова отозвалась короткой вспышкой тупой боли, но быстро успокоилась. Вей посидел в темноте кабины ещё немного, слушая, как тикает остывающая обшивка, а потом вылез наружу.

Вечером в ангаре «Спец-1» нашёлся стол. Это был откидной верстак у стены, с которого Довжик согнал своих техников со словами «один вечер можете и без меня что-нибудь сломать». На верстаке поставили металлические кружки, разномастные, из столовой, из мастерской, одну с отбитой ручкой. Громов разлил что-то из бутылки без этикетки. Никто не спрашивал, откуда бутылка. У Громова вообще была негласная традиция: не спрашивать, откуда у него что берётся. Здесь, на «Громовержце», она прижилась быстро.

Говорить речей не стали. Громов поднял кружку, оглядел всех и просто сказал:

— За тех, кто долетит.

— За тех, кто долетит, — повторили остальные негромко, вразнобой.

Выпили. Танака сделал пол глотка и поставил кружку. Линд поморщился. Лина выпила залпом и коротко выдохнула, будто проглотила гвоздь. Стейнер и Аш тоже были здесь, «Химеры» уже почти перестали считаться гостями. Довжик пил последним, медленно, глядя на «Бастион», с которого так и не сняли последний хвостовик.

У входа в ангар, у переборки, стояли двое в рабочей форме с чёрным кулаком на рукаве. Они стояли и слушали. Не зайти было проще, чем зайти; но и уйти не хватало духу — за этой переборкой пили за тех, кого они тоже проводили. Вей узнал одного из них: высокий, с забинтованной кистью. Рыков. Второй был моложе, совсем мальчишка, с обгоревшим ухом.

Громов заметил их тоже. Он долго смотрел на них поверх кружки, потом махнул рукой:

— Эй! Канониры! Чего жмётесь, как девки на танцах? Сюда идите.

Они переглянулись. Рыков дёрнул плечом:

— Нас не звали.

— Вот, позвали. Ноги у вас есть? Есть. Кружки найдутся.

Подошли. Неловко, с той скованностью, с какой заходят в чужой дом. Громов сунул им по кружке, Лина молча подвинулась, освобождая край верстака. Рыков сел боком, словно собирался в любой момент встать и уйти.

— Это ж «Немезиды» тост. — сказал мальчишка с ухом.

— Был «Немезиды». Теперь общий.

Мальчишка подумал и кивнул. Выпил. Закашлялся. Громов от души хлопнул его по спине, и тот чуть не улетел под верстак.

Посидели. Помолчали. Техники Довжика в дальнем конце ангара включили музыку, что-то старое, хриплое, с помехами. Аш на секунду повернула туда голову и снова отвернулась.

Линд вертел в руках кружку и вдруг сказал вслух, ни к кому не обращаясь:

— Пять кораблей стояли в узле. Два линкора и один старый поверх нас и «Аянами». Теперь два. Узел тот же, подходы те же, расстояния те же. А кораблей вдвое с лишним меньше.

Никто не стал спорить, и никто не стал смягчать. Цифры Линда всегда ложились на стол именно так: без украшений.

Рыков смотрел в кружку. Мальчишка с обгоревшим ухом смотрел на Громова, будто ждал, что тот сейчас скажет что-то правильное.

Лина поставила кружку на верстак, звякнув металлом о металл, и пожала плечами.

— Ну, зато теперь никто не будет путаться под ногами.

Секунду было тихо. Потом Стейнер хмыкнул. Громов коротко, басом, хохотнул. Рыков, неожиданно для самого себя, тоже усмехнулся и тут же сделал вид, что поперхнулся. Засмеялся даже Довжик: тихо, в бороду, которой у него не было.

Вей тоже улыбнулся. И почувствовал, не через «Паутину», а просто так, по-человечески, что за этим смехом у каждого здесь одно и то же. Под ногами больше никто не путается. Если что-то пойдёт не так, за спину тоже никто не встанет.

Танака допил свой глоток, поставил кружку и сказал:

— Отбой через час. Завтра работы будет больше.

Он никогда не ошибался в таких вещах.

Глава 3: Приказ Вэня

Трансляцию объявили за десять минут: короткий двойной сигнал по всем палубам и ровный голос дежурного: «Внимание экипажам „Громовержца“ и „Аянами“. В девять ноль-ноль — обращение командующего соединением. Посты не покидать».

В девять ноль-ноль на всех экранах обоих кораблей появился Вэнь. Без флага за спиной, без адъютантов, без кресла. Простой серый фон штабной рубки, китель застёгнут под горло, руки опущены. Он подождал секунду, будто давал людям сесть поудобнее, хотя сидеть было некогда.

— Говорит контр-адмирал Вэнь. — Голос в динамиках был сухой, без металла, совсем такой же, как вживую. — Буду краток. Эскадра ушла на ремонт. В узле Тартар остались два корабля: наш и «Аянами». Наша задача — удержать узел до прихода подкрепления. Расчётный срок: от шести до восьми недель.

Он сделал паузу, коротко, на один вдох.

— Я знаю, что это много. Я знаю, сколько у нас машин, снарядов и людей, лучше любого из вас. Поэтому скажу одну вещь, и больше повторять её не буду. Узел мы не отдадим. Я считал цену, которую за него уже заплатили. Второй раз такой цены не будет — ни у нас, ни у них.

Ещё пауза.

— Всё. Работайте.

Экраны погасли.

В ангаре «Спец-1» после этого секунды три никто не шевелился. Двое техников Довжика так и стояли с поднятой на тельфере броневой плитой «Бастиона». Плита медленно покачивалась на тросах. Потом старший из техников сказал: «Ну, держи, держи, чего встал» — и плита поплыла дальше, к раме.

В пилотской «Химер» Стейнер выслушал трансляцию, положив ноги на соседний стул. Когда экран погас, ноги он не убрал. Только сказал, ни к кому не обращаясь:

— Хорошо говорит. Коротко. Люблю, когда коротко.

— Ты не любишь, когда говорят, — заметила Вега, не поднимая головы.

— Вот поэтому и люблю, когда коротко.

На камбузе третьей палубы повар-старшина слушал, держа над котлом половник, и дослушал до конца, не капнув. Потом сказал своим: «Шесть-восемь недель. Значит, гречки не хватит. Пиши заявку на сублимат» — и стал мешать дальше.

На шестой жилой палубе, в кубрике, который ещё вчера был резервным и пах нежилой пылью, сидели люди «Ганнибала». Двухъярусные койки, чужие, слишком узкие. Вещмешки, так и не разобранные, лежали под ногами. На переборке висел экран, и на нём только что погас Вэнь.

— Шесть-восемь, — сказал кто-то. — Это он нам или им?

— Всем, — сказал Брандт. Он сидел на нижней койке у входа, локти на коленях, и смотрел в погасший экран. — Нас он, кстати, тоже посчитал. Слышали? «Сколько у нас людей». У нас.

— Ага, — отозвался Рыков с верхней койки. — Посчитал. Ещё бы спросил.

— Рыков, тебя когда-нибудь спрашивали, прежде чем куда-то послать?

Рыков подумал.

— Мама, — сказал он. — Когда в школу провожала.

Кубрик коротко засмеялся. Брандт тоже усмехнулся, поднялся, одёрнул куртку.

— Так. Мешки разобрать. Через полчаса построение, я схожу узнаю, куда нас пристроят. Кто будет сидеть без дела и ныть, того пристрою сам. На камбуз. Картошку чистить.

— Тут картошки нет, лейтенант. Тут сублимат.

— Значит, сублимат чистить будешь.

Аплодисментов не было нигде. Ни на мостике, ни в ангарах, ни в рубках «Аянами», где команда слушала Вэня, стоя у своих постов, потому что на «Катане» сидячих мест на вахте почти не было. Люди выслушали, кивнули кто себе, кто соседу, и вернулись к работе. Сварщики опустили маски. Операторы снова повернулись к своим экранам. Под потолком ангаров поползли краны.

Вей слушал трансляцию, сидя на крыле своего «Спектра», и потом ещё некоторое время смотрел на погасший экран над доками. Он думал о том, что Вэнь мог сказать «держаться до конца», мог сказать «отступать некуда», мог сказать что угодно из того, что обычно говорят в таких случаях. А он сказал про второй раз. Про цену, которую придётся заплатить, если не удержат. Про то, что людей не хватит.

Это был не приказ стоять насмерть. Это был приказ беречь. Вей не был уверен, что все на палубах это услышали. Но был уверен, что Танака услышал.

На «Аянами» «Спектр» пошёл на одном челноке, всей пятёркой. Танака решил, что, раз они будут работать с этим кораблём, на него надо посмотреть изнутри.

Корабль показался ещё на подлёте, и Вей отметил разницу сразу, без «Паутины», одними глазами. «Громовержец» висел в пространстве, как город: широкий, многоуровневый, с собственным горизонтом. «Аянами» была похожа на клинок, положенный плашмя. Узкий корпус, сильно вытянутый, с острым носом и выступающими назад двигательными гондолами. Ни лишних надстроек, ни широких палуб. Броня местами шла внахлёст, косыми плитами, будто чешуя. Даже стоя на месте, «Катана» выглядела так, будто вот-вот сорвётся.

— Тесная, — оценил Громов, глядя в иллюминатор, пока шаттл заходил в посадочную нишу. — Я там застряну.

— Застрянешь — отрежем, — сказала Лина.

— Что отрежешь?

— Что торчать будет.

Посадочный ангар «Аянами» был в четыре раза меньше «Спец-1» и в десять раз меньше главного ангара дредноута. Машины здесь стояли плотно, крыло к крылу, на поворотных столах, чтобы выкатывать их на катапульты без лишних манёвров. Техники двигались быстро, почти бегом. Потолок нависал низко, и Громов, вылезая из челнока, действительно пригнулся по привычке, хотя головой бы не задел.

Капитан Огата ждал у аппарели. Лично, без сопровождения, если не считать двух офицеров чуть позади. Он оказался именно таким, каким выглядел на голограмме: лет сорок пять, сухой, жилистый, с подвижным лицом и быстрыми глазами. Форма сидела на нём, будто он не снимал её неделями, и, судя по складкам, так оно и было.

— Коммандер Танака. — Огата протянул руку и пожал коротко, крепко. — Рад. Наконец живьём.

— Капитан.

— «Спектр». — Огата обвёл взглядом остальных, задержался на каждом на долю секунды, словно запоминал лица в нужном порядке. — Я ваши записи с Тартара смотрел три раза. Один раз как капитан, второй раз как тактик, третий просто так, для удовольствия. Пойдёмте. У меня мало места и мало времени, но и того, и другого на вас хватит.

Он развернулся и пошёл, не дожидаясь ответа. Офицеры двинулись за ним, «Спектр» следом.

Коридоры «Аянами» были узкими, с низкими сводами, заставленными по стенам ящиками ЗИП, закреплёнными стяжками. Люди расходились тут, прижимаясь к переборкам. Пахло горячим маслом и чем-то пряным с камбуза. Вей заметил, что над каждым люком висит

маленькая табличка с ручной надписью, и прочитал на одной: «До ангара 40 секунд бегом». На другой: «До мостика 25 секунд бегом».

— Это кто писал? — спросил он.

— Я, — сказал Огата, не оборачиваясь. — Считали. Если тревога, люди должны знать, сколько им бежать. Это успокаивает. Когда знаешь, сколько осталось, бежишь ровнее.

Брифинг провели в тактической каюте при мостике. Каюта была размером с кают-компанию «Спектра»: круглый стол с голопроектором, восемь откидных кресел, по стенам схемы. Там их ждали двое.

— Командиры эскадрилий, — представил Огата. — «Ронины», лейтенант-коммандер Сато.

Сато был массивный, с широким невозмутимым лицом и короткой стрижкой. Он кивнул так скупо, что кивок можно было и не заметить.

— «Кицунэ», коммандер Арима.

Арима, маленькая женщина с острыми скулами и рыжеватыми, туго стянутыми волосами, улыбнулась сразу всем и никому в отдельности. Лину она осмотрела с явным профессиональным интересом.

Сели. Огата не стал садиться. Он включил проектор, и над столом развернулся узел: газовый гигант, тень, поле обломков верфей, корпуса мониторов. Маленькая злая искра «Аянами» висела в глубине, позади «Громовержца».

— Начнём с главного, — сказал Огата. — Чтобы потом не было недоразумений. Вы знаете мой корабль по боевым записям. Вы видели, как он входит в строй, вскрывает коридоры, вытаскивает тяжёлых. Забудьте.

Он ткнул пальцем в искру «Аянами».

— Здесь я не таран. У меня нет брони, чтобы стоять под огнём, как «Ганнибал». Встану в строй против крейсеров, и меня сломают за полчаса. — Он поднял глаза на Танаку. — Я не стена. Я дверь, которая захлопывается перед носом.

— Объясните, — попросил Танака.

— Я стою в глубине. Далеко. Не светясь. Пока оборона держит, меня нет. — Огата повёл ладонью, и над столом появились условные стрелы удара, втыкающиеся в слой обороны. — Где-то её проломят. Обязательно проломят, это вопрос времени. И когда враг в пролом пойдёт, он пойдёт уверенно, растянувшись, потому что думает, что за проломом пусто. Тогда выхожу я. Бью во фланг, в голову колонны, во что угодно, лишь бы он остановился. Захлопываю. И ухожу обратно, пока не поняли, куда стрелять.

— Сколько вам нужно, чтобы выйти? — спросил Линд.

— От команды до огня — шесть минут. При хорошем раскладе пять. Если я заранее знаю, где проломят, то три.

— А если не знаете?

— Тогда я опоздаю. — Огата пожал плечом. — И пролом станет дырой.

Сато впервые подал голос:

— «Ронины» выходят с кораблём. Мы идём впереди, прикрываем его от лобового удара. «Кицунэ» уходят вперёд и держат пролом, пока он не подошёл.

— Держим пролом три минуты, — добавила Арима. — На большее нас не хватит.

Вей смотрел на голокарту. Он не подключался к «Паутине», но поле начало складываться само, по привычке. Пролом там, где тонко. Растянутая колонна, которая не ждёт удара. Короткая дверь во времени: от момента, когда враг войдёт, до момента, когда он поймёт, что вошёл не туда. Пять минут. Три, если знаешь заранее.

Он вдруг понял, что Огата думает так же, как он сам. Не огнём и бронёй, а коридорами и окнами. Не «где удержать», а «когда ударить, чтобы хватило». Дверь, которую можно захлопнуть, только если знаешь, в какую секунду.

— Вам нужно знать раньше, — сказал Вей вслух и сам удивился, что заговорил.

Огата повернулся к нему.

— Призрак?

— Вам нужно знать, где проломят, раньше, чем проломят. Тогда вы выходите за три минуты, а не за шесть.

— Да. — Огата смотрел на него очень внимательно. — Именно это мне и нужно. Вы можете это дать?

Вей помолчал. Он не хотел обещать то, чего не знал наверняка.

— Иногда, — сказал он. — Не всегда. Но иногда — да.

— Иногда — уже больше, чем ничего. — Огата коротко кивнул, будто поставил галочку в невидимом списке. — Тогда будем работать вместе. Коммандер?

— Будем, — сказал Танака.

Огата выключил проектор, и узел над столом погас. Он впервые за всё время улыбнулся, неожиданно молодо.

— Хорошо. Теперь пойдёмте, я покажу вам, где у меня кормят. Если уж «Аянами» дверь, то пусть хоть с нормальной кухней.

Технический штаб «Громовержца» находился на две палубы ниже ангаров. Тесное помещение без окон, где сходились все линии учёта: склады, мастерские, топливные цистерны, каждая гайка и каждый человек с ключом в руках. Вдоль стен стояли шкафы с бумажными журналами. Довжик не доверял одному только электронному учёту и заставлял кладовщиков дублировать всё от руки. Над столом висели три больших экрана, и на всех трёх светились таблицы.

Танака взял Вея с собой без объяснений: «Пойдёшь со мной. Послушаешь». Теперь Вей сидел в углу на ящике с маркировкой «Фильтры воздушные, кл. 3» и слушал.

Рейес стоял у среднего экрана, сложив руки на груди. Довжик сидел за столом, в очках, сдвинутых на кончик носа, и водил стилусом по планшету так, будто резал хлеб.

— Начнём с железа, — сказал Рейес. — Боезапас.

— Осадные — тридцать четыре процента, — без выражения ответил Довжик. — Это вы знаете. Ракеты для авиакрыла: на четыре полных вылета всем крылом. Если экономить — на шесть. Снаряды к сорокапяткам «Бастиона»: два боекомплекта, и тот второй я выменял у «Ганнибала» на ящик сварочных электродов, пока они не ушли. Не спрашивайте как.

— Не спрашиваю. Запчасти?

— По «Саблезубам» терпимо. По двигателям плохо: восемь сопловых блоков на всё крыло. По щитовым генераторам хуже: пять. По «Стилету» и «Спектру» у меня есть то, что есть, а больше не будет никогда, потому что их делали штучно. Сломаются — буду делать из того, что найду.

— Топливо?

— На корабль хватит. На бой хватит. На два боя хватит, если второй будет короткий. — Довжик снял очки и потёр переносицу. — Машины. В строю шестьдесят девять. В ремонте восемь, из них пять подниму за неделю, три — никогда. Ещё у нас на складе два корпуса «Саблезубов» без двигателей и один «Саблезуб» без всего, кроме кресла. Если очень постараться, из трёх можно собрать две.

— Записываю: шестьдесят девять плюс пять плюс две, — сказал Рейес. — Семьдесят шесть.

— Записывайте. Только не радуйтесь.

— Почему?

— Потому что теперь люди. — Довжик надел очки обратно и повернул планшет. — С «Ганнибала» пришло сто двадцать два человека. С «Веллингтона» — пятьдесят девять, одного

забыли на борту, либо он сам спрятался, я не уточнял. С «Немезиды» трое медиков, их не считаю. Итого техников сто восемьдесят один. Плюс мои. У меня в ангарах сейчас техников больше, чем машин, на две полные смены вперёд. Рук много. Рук у нас лишних, по моим подсчётам, полторы сотни пар.

— Откуда так много?

— Эскадрильи поредели, коммандер. Машин нет, а техники остались. Техники, они вообще живучие. Их не сбивают. — Он хмыкнул без улыбки.

Рейес коротко кивнул и вывел на правый экран вторую таблицу.

— Пилоты?

— А вот тут, — Довжик сощурился, — обратная арифметика. Пилотов больше, чем машин, которые можно было бы собрать. Двадцать пять человек катапультировались на прошлых узлах. Живы, здоровы, рвутся в бой, а машин нет. Посадить их в мои две сборные — будет две машины. А остальные двадцать три так и будут ходить по кораблю и смотреть на меня как на врага народа.

— Опытных среди них?

— Опытные все. Неопытные не катапультируются, неопытные умирают. — Довжик сказал это ровно, и в комнате на секунду стало холоднее. — Простите. Профессиональное.

Рейес выпрямился и стёр часть таблицы, оставив внизу три строки. Он подчеркнул их стилусом.

— Подведём итог. Чего нет. Первое: машин. Второе: машин, чтобы посадить всех, кто рвётся в бой. Третье: времени. Шесть–восемь недель — это расчёт Адмиралтейства. Противник по этому расчёту не работает.

— И четвёртое, — добавил Довжик. — Кораблей. Нет. Ни эсминца, ни буксира, ни заправщика. Если «Аянами» получит дыру, я её буду латать вашими же руками, коммандер.

— Записываю четвёртое.

На экране остались четыре строки, белые на сером. Машин нет. Кабин нет. Времени нет. Кораблей нет. Внизу, под ними, мигал курсор.

Танака всё это время сидел у края стола и молчал, сцепив пальцы. Вей видел его в профиль: тяжёлые веки опущены, глубокие складки у рта, неподвижный, как всегда, когда он что-то считает внутри. Наконец Танака поднял голову.

— Один вопрос, — сказал он.

— Да, коммандер.

— Мы посчитали, что есть у нас на складе. — Танака кивнул на экраны. — А что есть в узле такого, чего нет у нас на складе?

Довжик перестал водить стилусом. Рейес медленно повернулся к нему.

— Поясните.

— Мы стоим посреди промышленного кластера, — сказал Танака. — То, что осталось от четырёх верфей. Мониторы. Сеть. Всё это лежит здесь. — Он помолчал. — Я не знаю, что из этого годно. Но мы считаем только своё. Может быть, стоит посчитать и чужое.

В штабе стало тихо, только гудели экраны. Довжик снял очки, сложил их и задумчиво постучал дужкой по столу.

— Мёртвое железо, — сказал он наконец.

— Мёртвое, — согласился Танака. — Пока никто не проверял.

Рейес смотрел на четыре строки на экране. Потом стёр курсор под ними и ничего не написал. Только сказал:

— Довжик. Мне нужен список. Не сегодня. Через три дня.

— Через три дня будет список, — ответил старик, уже глядя куда-то сквозь стену, туда, где за обшивкой висели тёмные корпуса «Циклонов». — Только не говорите никому, что это

коммандер заметил. Техники не любят, когда командиры видят то, что мы сами должны были увидеть.

Коридор у шлюза «Спец-1» вечером пустел быстрее остальных. Тусклые полосы освещения под потолком, ряд аварийных шкафов вдоль стены, ребристый пол. И бесконечный, ровный гул вентиляции, который проходил по всему дредноуту, как дыхание.

Вей сидел на полу, спиной к переборке.

Лина появилась из-за поворота с двумя пайковыми плитками в руке. Увидела его, не удивилась. Подошла, протянула одну.

— На. Ты на ужине не был.

— Спасибо.

— Это «ореховая». Там орехов нет. Но так написано.

Он развернул обёртку. Лина не села сразу. Постояла, задрав голову к решётке вентиляции над шлюзом, и прислушалась с таким выражением, с каким Довжик слушает двигатель.

— Слышишь?

— Что?

— Гудит. Не той нотой.

Вей прислушался. Гул был как гул, ровный, низкий, привычный настолько, что его переставали замечать на второй день службы.

— По-моему, нормально.

— Ничего не нормально. — Лина сощурилась. — Тут на полтона ниже, чем на нашей палубе. На «Немезиде» так гудело перед тем, как в третьем секторе фильтр встал. Неделю гудело, потом встал, и потом у нас весь кубрик чихал.

— Скажи техникам.

— Сказала. Сказали: «Фильтр в порядке, Оса, иди спать». — Она фыркнула. — Через неделю будут все чихать, вспомнят.

— Ты по звуку слышишь фильтры?

— Я по звуку слышу всё, что гудит. — Лина пожала плечами. — Когда в первый раз на «Грифоне» летала, двигатель так гудел, будто его кто-то мучает. Я пол-академии думала, что у меня руки кривые, а потом инструктор сказал: это звук такой. Тогда я и начала слушать.

Она наконец села рядом, плечо к плечу, спиной к той же переборке. Сунула свою плитку в карман нераспечатанной.

Помолчали.

Вей ел плитку без орехов и думал о технических таблицах, о четырёх строках внизу экрана, о вопросе Танаки. Потом перестал думать. Плечо Лины было тёплым сквозь два слоя ткани. Где-то за переборкой с длинным вздохом сработал шлюзовой компенсатор.

— Как там Огата? — спросила Лина. — Ты его ещё вспоминал?

— Вспоминал. Он хороший.

— Говорит быстро.

— Думает быстро.

— Это одно и то же. — Лина помолчала. — Арима мне понравилась. Наглая.

— Ты тоже наглая.

— Я не наглая. Я прямая. Это разные вещи, Призрак, я тебе сто раз объясняла.

— Ни разу.

— Ну вот, теперь объяснила.

Он улыбнулся в темноту. Она не видела, но, кажется, почувствовала: локтем легонько толкнула его в бок, без слов.

Больше о войне они не говорили. Лина рассказала, что на камбузе третьей палубы новый повар, с «Ганнибала», и что он уже поругался со старым из-за соли. Вей рассказал, что Дов-

жик дублирует весь учёт в бумажных журналах. Лина сказала, что это правильно, потому что бумага не ломается от электромагнитного импульса, и Довжик, видно, когда-то на этом обжёгся. Потом снова замолчали, и это было не неловкое молчание, а такое, в котором нечего добавлять.

Вентиляция гудела. Вей вслушался ещё раз. Может быть, и правда на полтона ниже. Может быть, и правда через неделю кто-то начнёт чихать.

Лина откинула голову на переборку и закрыла глаза.

— Завтра — лучше, — сказала она негромко.

— Завтра — лучше, — согласился он.

Глава 4: Чужие сигналы

Ночью РЭБ-отсек становился похож на аквариум. Основной свет гасили, оставляли только дежурную подсветку пола, и в темноте горели одни экраны: зелёные столбцы спектра, синие сетки частот, жёлтые всплески перехватов. Они отражались в стекле переборки — узком смотровом окне в соседний отсек, — и казалось, что за стеклом тоже кто-то сидит и смотрит в такие же экраны.

Маркус Линд любил ночную смену. Днём здесь толпились операторы «Громовержца», шли доклады, пищали каналы, кто-нибудь всё время спрашивал, «можно ли на минутку». Ночью оставались дежурный оператор, дремавший у дальнего пульта, гул охлаждения и он сам.

Пакет Хасана он разбирал третьи сутки. Хасан честно предупредил, что половину не расшифровал, и он скорее преуменьшил. Это была свалка: протоколы обмена «пауков», обрывки командных пакетов, сырые записи эфира за всё время штурма, вперемешку, без меток времени на половине файлов. Хасан собирал всё подряд, как собирают патроны с поля боя: потом разберёмся, что стреляет.

Линд разбирался.

Сеть «паутины» его пока не интересовала, это была отдельная работа. Сейчас он гонял через фильтры Хасана другое: свежие перехваты последних пяти дней, которые станции «Громовержца» снимали с границы узла. Фоновый шум. Обрывки чужих каналов на краю слышимости. Мусор, который никто не слушал.

Фильтры Хасана были хороши. Хасан писал их под сигнатуры Автономии, и они умели отделять живой сигнал от отражений газового гиганта. Мусор начал оседать слоями, как песок в стакане воды. Внизу остался шум. Выше легло что-то ровное и повторяющееся.

Линд остановил прокрутку и наклонился к экрану.

Прыжковые выходы. Короткие, едва различимые всплески на самом краю узла, далеко за пределами досягаемости любых орудий. Корабль выходит из прыжка, висит несколько минут и уходит снова. Чтобы такое заметить, нужно было специально смотреть на край.

Он разметил всплески по времени. Первый, четыре дня назад, в два сорок по корабельному. Второй, на следующие сутки, в два сорок одну. Третий в два тридцать девять. Четвёртый в два сорок. Пятый, сегодняшний, три часа назад, в два сорок.

Одно окно. Каждые сутки одно и то же окно, плюс-минус минута.

Линд вывел сигнатуры выходов. Их сняли грязно, на пределе чувствительности, но фильтр вытянул главное: массу и профиль прыжкового поля. Корабль средний, тяжелее фрегата, легче крейсера. Профиль поля один и тот же во всех пяти случаях.

Один корабль. Или однотипные. Одно окно. Одна точка выхода.

Он откинулся на спинку кресла и посидел, глядя на пять одинаковых меток.

Три года. Три года на транспортниках, на линиях снабжения, в рубках грузовых бортов, где война выглядела как графики. Транспорт номер такой-то выходит в окно такое-то, приём, разгрузка, обратный прыжок. Когда тебя три года не берут в боевую эскадрилью, ты начинаешь понимать в графиках больше, чем хотел бы. Ты учишься видеть, когда склад наполняется. Когда начинают гнать горючее вместо продовольствия. Когда окна сжимаются, потому что кто-то наверху торопится. Ты учишься чувствовать наступление задолго до того, как о нём узнают пилоты, потому что наступление начинается не с выстрелов. Оно начинается с того, что кто-то каждый день в одно и то же время привозит одно и то же.

Отступающие так не ходят. У отступающих всё рваное: прыжки в разное время, разные борта, суета, потеря связности. Здесь суеты не было. Здесь было расписание.

Линд проверил ещё раз. Подогнал другой фильтр, чтобы исключить ошибку. Наложил данные сенсорных буёв, которые КОМ развесил после штурма. Буи стояли далеко и сняли совсем мало, но два выхода подтвердились.

Ошибки не было.

Он посмотрел на время: четыре двенадцать. Коммандер спал. Коммандер почти никогда не спал больше пяти часов, и будить его ради того, что могло подождать до утра, было неправильно.

Линд подумал ещё минуту. Потом подумал о том, что завтра в два сорок тот же корабль снова выйдет на краю узла, привезёт то же самое и уйдёт. А послезавтра снова. И что каждый такой день — это не день, который у них есть, а день, который у кого-то другого появился.

Он сохранил разметку, отправил её на защищённый канал и связался с каютой коммандера.

Танака ответил на третьем сигнале. Голос у него был совсем не сонный, ровный, будто он и не ложился.

— Линд.

— Коммандер. Простите, что разбудил. Мне нужно, чтобы вы посмотрели одну вещь.

— Насколько плохую?

Линд посмотрел на пять меток в одну строку.

— Пока не знаю.

Разведвылет назначили на следующую ночь, на два двадцать: за двадцать минут до окна.

«Спектр» стартовал из «Спец-1» без огней. Катапульта ударила Вея в грудь привычным кулаком, полторы секунды, триста метров в секунду, и дредноут ушёл назад, превратившись в тёплую тяжёлую массу за спиной. Вей перевёл машину в глубокий стелс. Экранированные двигатели снизили тягу до шёпота, покрытие начало глотать даже отражённый свет гиганта. «Спектр» стал ничем: просто кусок темноты, который движется против других кусков темноты.

«Паутина» развернулась вокруг, как дыхание, медленно и глубоко.

— Призрак на курсе, — сказал он на внутреннем канале звена. — Глубокий стелс. Связь только прямая.

— Принято, — отозвался Танака. «Глефа» висела далеко позади, у границы прикрытия дредноута, в роли командного пункта. — Работайте тихо.

— Линд в пассивном, — доложил Линд. — Ничего не излучаю. Только слушаю. Если меня засекут, то по запаху.

— Оса и Гром на дистанции, — сказала Лина. — Восемьдесят тысяч за тобой, Призрак. Мы тут как бабушки на лавочке.

— Говори за себя, — проворчал Громов. — Я дедушка.

На периферии, широкой дугой, уходили «Химеры». Восемь машин, Стейнер ведущим, Аш во второй паре. Их задача была простой: показать себя, если понадобится, и отвлечь, если «Спектр» засекут. Стейнер это называл «работа красной тряпкой».

Вей шёл к краю узла двадцать минут. Поле обломков осталось позади, тень гиганта тоже. Дальше начиналась пустота, где ничего не было, кроме слабого звёздного света и далёкой, тусклой пыли. Здесь «Паутина» становилась тонкой и прозрачной, как вода на мелководье: видно далеко, но держать нечего.

В два сорок он почувствовал выход.

Пространство впереди коротко прогнулось и выровнялось, как бывает, когда тяжёлый предмет опускают на натянутую ткань. Масса. Средняя, плотная. Транспорт.

— Есть выход, — сказал он тихо. — Ноль-четыре-ноль, далеко. Один борт. Средний.

— Вижу всплеск, — отозвался Линд. — Сигнатура та же. Пишу.

Вей не стал останавливаться на транспорте. Он раскрыл поле шире, насколько позволяла «Паутина» на такой дистанции, и потянулся за транспорт, дальше, туда, откуда тот пришёл.

Сначала там было пусто. Потом сквозь пустоту проступило давление.

Это были не корабли, на таком расстоянии он не различал их. Плотность. Как будто за горизонтом, где ничего не видно, лежит что-то тяжёлое, и это тяжёлое продавливает пространство вокруг себя. Крупные точки, медленные, неповоротливые: может быть, носители. Средние, стянутые в группы: крейсера или фрегаты. Мелочь роем: «Шершни», дроны, он не разобрал. И потоки между ними, тонкие, регулярные: транспорты, ходящие туда и обратно.

И всё это не стояло, а стягивалось. Медленно, едва ощутимо, но стягивалось к одной точке. Ближе к узлу.

Вей держал поле, пока за виском не начала собираться знакомая тупая точка. Потом убрал глубину и вернулся к ближней картине.

— Танака, — сказал он. — За транспортом группировка. Не разведчики. Крупная. Носители, крейсера, рой. Они в движении.

Пауза на канале. Короткая.

— Сколько?

— Не могу сказать. Много. Больше, чем у нас.

— Принято. Ещё пять минут, и уходим.

— Призрак, — вмешался Стейнер, без тени шутки в голосе. — У меня тут гости. Дозор. Четыре «Шершня», идут на нас. Засекли.

Вей развернул поле к периферии. Да: четыре быстрых жёстких точки, слаженных, прошивающих пустоту по дуге, наперерез «Химерам». Дозор Автономии на краю узла. Охраняли подходы, как и положено.

— Аш, — сказал Стейнер. — Что у них в голове?

Пауза. Голос Аш на канале был спокойный, чуть отстранённый, как всегда, когда она читала.

— Ведущий хочет нас оттеснить, а не сбить. Ему приказали не ввязываться. Второй… второй злится. Он полезет. Третий и четвёртый пойдут за вторым.

— Значит, лезет второй. — Стейнер хмыкнул. — Хорошо, пусть. «Химеры», по парам. Не гонимся. Бьём тех, кто полезет, остальных отпускаем.

— Принято.

Вей видел бой краем поля, не отвлекаясь на него полностью. Ведущий «Шершень» ушёл вверх, выдерживая дистанцию, именно так, как сказала Аш. Второй рванул прямо на «Химер», и за ним, как привязанные, пошли двое. Стейнер развернул свою пару навстречу, коротко, без лишней дуги.

— Второй мой.

Два импульса. Точка второго «Шершня» вспыхнула и рассыпалась.

— Третий уходит влево, — сказала Аш. — Хочет зайти тебе в хвост.

— Вижу.

Ещё импульс, короче. Третий потерял ход, закрутился и погас.

Четвёртый сломал атаку, развернулся и ушёл к ведущему. Ведущий уже уходил тоже, за предел досягаемости.

— Двое, — коротко сказал Стейнер. — Остальные бегут. Потерь нет. Танака, нас засветили.

— Понял. Все на отход. «Спектр», «Химеры» — домой. Линд, всё, что снял, береги.

— Берегу, коммандер. Тут есть что сберечь.

Вей развернул машину. Транспорт за спиной уже исчез: ушёл в прыжок, точно по расписанию, будто ничего не случилось. Тяжёлое давление за горизонтом никуда не делось. Оно осталось там, медленное, плотное, терпеливое.

Обратный путь занял почти полчаса. Боль за виском стала тише, но не прошла, и к ней добавился лёгкий металлический привкус на языке.

Когда «Громовержец» вырос впереди огромной тёплой массой и открыл ангарные ворота, Лина сказала на канале негромко, почти себе:

— Ну что. Передышка кончилась.

Никто ей не возразил.

Штабную рубку Вэня отделял от флагманского зала один коридор, но выглядела она совсем иначе. Никакого свода и кругового стола: низкая комната, четыре экрана, длинный стол с вмятиной от чьего-то кулака на углу и кофейная машина, которую, судя по царапинам, не раз били. В шесть утра по корабельному здесь были Вэнь, Рейес, начальник штаба и дежурный офицер связи. И ещё двое из «Спектра», которые спали этой ночью меньше всех.

Линд вывел запись на центральный экран. Голова у Вея после вылета ещё гудела: тупая точка за виском никуда не делась, только притихла. Он стоял чуть позади и старался говорить, только когда спросят.

— Пять выходов за пять суток, — начал Линд. — Одно окно, разброс плюс-минус одна минута. Один профиль прыжкового поля. Это расписание снабжения. Сегодня ночью мы его подтвердили визуально, точнее, через «Паутину». Он не заходит в узел. Висит на границе, за пределом наших сенсоров, и уходит. Пять минут — это перегрузка. Там, дальше, сборка, и транспорт возит ей то, что нужно каждый день. Он не подходит к своим вплотную, чтобы не подставиться под наши сенсоры. Останавливается на границе, перегружает груз на шаттлы и уходит обратно.

— Что везут? — спросил Вэнь.

— Не знаю. Сканировать в упор мы не могли. По массе это средний транспорт. По расписанию — то, что нужно каждый день: топливо, боеприпасы, запчасти. Еду так не возят, еду возят реже и большими партиями.

— Дальше.

Линд кивнул Вею, и Вей шагнул к столу.

— За точкой выхода стоит группировка, — сказал он. — Я не видел отдельных кораблей, расстояние слишком большое. Видел плотность. Крупные массы, медленные. Думаю, носители, два или больше. Группы средних, скорее всего крейсера и фрегаты. И рой, много мелочи. Между ними ходят транспорты. Тот, что мы засекли, — ближний к нам. Он стоит на границе сборки, а сама сборка глубже.

— Это остатки сил Тартара? — спросил начальник штаба.

— Нет.

Вэнь посмотрел на него.

— Почему?

Вей подбирал слова. Объяснять поле людям, которые его не чувствуют, было всё равно что объяснять цвет по телефону.

— Остатки бы расползались, — сказал он наконец. — Как после пожара. Рваные группы, разная скорость, кто-то отстаёт, кто-то бежит. А тут всё ровное. Свежее. Они не уходят от нас, они к нам собираются.

— Подтверждаю, — добавил Линд и вывел на соседний экран таблицу. — Мы сняли часть сигнатур с дозора и с транспорта, плюс фоновые шумы двигателей с края. Сверил с каталогом Хасана по Тартару и Кассини. Совпадений почти нет. Корабли новые: заводские профили, свежие «Кроносы» без износа. Это не те, кого мы били. Это те, кого мы не видели.

— Откуда?

— Вероятнее всего, с подступов к Форпосту. — Линд показал на карте направление. — Вектор транспорта указывает туда. Если они собирают силы здесь, значит, сняли их там. Транспорт идёт оттуда же — с тыловой базы на передовой край сборки.

Рейес хмыкнул, коротко и невесело.

— Ещё, — сказал Линд. — В одном из сгустков сигнатура, которой в каталоге нет вообще. Масса тяжёлого крейсера, но профиль поля другой. Это не «Скорпион» и не «Шторм». Новый класс. Возможно, флагман.

Вэнь подошёл к экрану и долго смотрел на пустую строку в таблице, где вместо названия класса стоял прочерк.

— И последнее, — сказал Линд тише. — Дозорный «Шершень», ведущий, перед отходом вышел на связь с транспортом. Канал был закрыт, но шифр старый, из пакета Хасана: тартарский служебный, они его не сменили. Я расшифровал примерно треть. Там доклад о контакте и строка адресата.

Он вывел на экран одну строку. Буквы Автономии, под ними перевод.

«Штаб ударной группировки. Лично командору С. Ардану».

В рубке стало тихо. Только кофейная машина в углу щёлкнула, закончив цикл и не дождавшись кружки.

— Ардан, — повторил Вэнь. — Север Ардан?

— Полного имени в перехвате нет. Только инициал.

— Рейес?

— Знаю, — сказал Рейес. Он стоял у стены, сложив руки. — Есть в досье разведки. Штабной офицер, не боец. Планировщик снабжения у Внешнего Предела, потом оперативный отдел. Ни одного личного боя. Ни одного проигранного плана, о котором бы мы знали. Их немного, но ни одного.

— Штабист, — сказал Вэнь. Он отошёл от экрана и сел за стол, первый раз за всё утро. — Значит, у них нашёлся кто-то, кто умеет считать.

Он побарабанил пальцами по вмятине на углу.

— Сроки?

— Неизвестны, — ответил Линд. — Тяжёлые группы двигаются медленно. Счёт идёт на недели. Может, две. Может, четыре.

Вэнь кивнул, словно услышал ровно то, что ожидал.

— Рейес. Разведку на край каждые двое суток, в разное время. Никакого расписания. Не будем учить их нашему. Линд, перехват держите круглосуточно, людей возьмёте сколько нужно. — Он поднял глаза на Вея. — Лейтенант.

— Да, адмирал.

— Вы сказали «больше, чем у нас». Насколько больше?

Вей помолчал.

— Не знаю. Только знаю, что, если они придут все сразу, поле будет тесное. Нам будет очень тесно.

— Понятно, — сказал Вэнь. — Свободны. Оба поспите. Это приказ.

Уже в коридоре Линд прислонился плечом к переборке и закрыл глаза.

— Он хоть раз в жизни кого-нибудь хвалит? — спросил он, не открывая глаз.

— По-моему, он только что похвалил, — сказал Вей. — Он сказал «поспите».

Кабинет командора Ардана на «Регенте» был самым тихим помещением на корабле. Так задумал он сам: дополнительная звукоизоляция, никаких динамиков общего оповещения, только один канал, личный, через начальника штаба. Голая переборка цвета пепла. Стол из тёмного композита, кресло с прямой спинкой. Одна полка с бумажными папками. Один светильник над столом, жёлтый, тёплый. Других источников света не было.

На столе лежали карты. Бумажные, плотные, отпечатанные в штабной типографии по его личному заказу. Автономия давно отвыкла от бумаги, и техники «Регента» считали это причудой старика. Ардану было пятьдесят два, и стариком он себя не считал, но причуду признавал. Голограмма умела показать всё. Бумага умела ничего не показывать, пока ты сам не нарисуешь, и именно это ему в ней нравилось. На бумаге нельзя увеличить масштаб, чтобы спрятаться от неприятной цифры.

Он сидел над картой узла Тартар и читал.

Папка была толстой: сводка падения пяти узлов. Ахерон, Корвус, третий узел, Кассини, Тартар. Каждый доклад был написан разным почерком, разными людьми, и все они рассказывали одну и ту же историю. Удар там, где не ждали. Сенсоры, выбитые за минуту до главного удара. Генераторы щита, которые падали одновременно, хотя должны были прикрывать друг друга. Отряд, который шёл через сеть так, будто видел её насквозь.

И повторялся позывной. Сначала в донесениях с пометкой «неподтверждено», потом без неё.

«Призрак».

Ардан перевернул лист. Отчёт с Кассини-Прайм, составленный выжившим офицером одного из «Штормов». Сухо, с той аккуратностью, которая бывает у людей, пишущих сразу после боя, чтобы не начать думать. Вражеский одарённый в глубоком стелсе. «Охотники» обманом выманены в сторону. Удар по реакторной секции флагмана. Гибель одарённого Райана.

Последний абзац: «Перед гибелью одарённый Райан вышел в открытый эфир и обратился к противнику. Запись прилагается».

Записи в папке не было. Ардан её и не запрашивал. Он знал, что там. Мальчишка, которого проект Автономии растил девять лет, обратился к убийце и назвал своё имя. Красиво, даже трогательно. С точки зрения командования — бессмысленно.

Он закрыл папку и положил ладонь на обложку.

В дверь постучали. Так делал только один человек на корабле.

— Войдите.

Капитан Илва Ренн вошла и встала у стола. Высокая, с прямой осанкой. Левый глаз у неё был живой, серый, внимательный. Правый — оптический имплант: тонкое кольцо матового металла с тёмной линзой внутри. Линза едва заметно подстраивалась, когда Ренн переводила взгляд. Она получила его восемь лет назад, вместе с выбитым глазом, и с тех пор видела в темноте лучше любого прибора на мостике.

— Свежий доклад с края узла, — сказала она. — Дозор вошёл в контакт с группой истребителей КОМ. Два «Шершня» потеряны. Противник отошёл без потерь.

— Кто?

— Эскадрилья «Химеры», «Громовержец». И, по косвенным, малая машина в стелсе ближе к точке снабжения. Дозор её не видел, только помехи, которые она могла дать.

— Наш транспорт они засекли.

— Да. Расписание придётся менять.

— Не придётся. — Ардан покачал головой. — Пусть видят. Пусть считают, сколько мы возим. Это правдивая цифра, и она их напугает. Испуганные люди строят оборону, а оборону строить долго.

Ренн приподняла бровь над живым глазом.

— Вы этого хотите?

— Я хочу, чтобы они тратили время. — Он развернул к ней карту. — Садитесь, Илва.

Она села на край стула, как всегда, готовая встать.

— Смотрите. — Ардан коснулся карандашом двух маленьких меток на бумаге, нарисованных им самим. — Два корабля. Дредноут, тяжёлый, хорошо вооружённый, но после Тар-

тара по нашей оценке на восемьдесят процентов. И «Катана», лёгкий линкор прорыва. Больше ничего. Три их линкора ушли в тыловые доки. Наша разведка видела их уход неделю назад: они шли медленно, с повреждениями, им нужен ремонт недели на три-четыре.

— Подкрепление?

— Будет. Не сразу. Им ещё нужно собрать то, что не занято на других направлениях, а свободного у КОМ сейчас мало. — Карандаш сдвинулся. — Кораблей обеспечения в узле нет. Эсминцев нет. Боезапас осадных орудий после Тартара мы можем оценить по их собственной стрельбе. Он небольшой. Пополнения нет. Каждый снаряд, который они выпустят, они выпустят навсегда.

— Это у них, — сказала Ренн. — А «Призрак»?

Ардан поднял на неё глаза. Спокойные, тёмные, очень усталые.

— Что «Призрак»?

— Пять узлов, командор. Все доклады об одном и том же человеке. Он видит наши сети, наши генераторы, наших одарённых. Он убил Райана. Он убил второго на Тартаре. Верхушка требует его голову вторую неделю.

— Требует голову, потому что думает, что это решит их проблемы. — Ардан положил карандаш. — Сколько стоит один одарённый?

— Не понимаю вопроса.

— Сколько он стоит в бою? Сколько кораблей, людей, времени?

Ренн помолчала. Линза импланта едва слышно щёлкнула.

— Иногда — узел, — сказала она честно.

— Иногда — узел, — согласился Ардан. — Когда враг даёт ему узел. Когда бой короткий, когда всё решается за минуту, когда достаточно увидеть одну щель в одну секунду. Одарённые прекрасно работают на коротком отрезке. На длинном они устают. Мы это знаем, у КОМ это знают тоже. — Он снова взял карандаш и провёл на бумаге длинную линию. — Мне не нужно бить его в ту секунду, когда он сильнее всего. Мне нужно, чтобы эта секунда ничего не решала.

Он постучал карандашом по линии.

— Одарённые считают секунды. Я считаю недели.

Ренн смотрела на карту. Она не возражала, но и соглашаться не торопилась: это Ардан в ней и ценил.

— Тогда когда?

— Пока никогда. — Он откинулся на прямую спинку кресла. — Группировка собрана на шестьдесят процентов. Ещё две, три недели. Пусть они строят. Пусть тратят людей на оборону, нервы на ожидание, снаряды на наших разведчиков. Мы будем смотреть. Аккуратно. Издалека. Без потерь, которые нельзя себе позволить.

— А если они достроят оборону?

— Тогда мы посчитаем ещё раз. — Ардан закрыл папку о падении пяти узлов и отложил её на край стола, к остальным. — Не торопитесь, Илва. Тот, кто торопится, платит больше.

Ренн встала, коротко кивнула и вышла. Дверь закрылась без звука.

Ардан ещё долго сидел под жёлтым светом. Потом взял карандаш и аккуратно, мелкими цифрами, проставил возле двух меток на карте дату. На три недели вперёд, с вопросительным знаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.